Глава 2

"МИР В ОБЛАКАХ" ЖОРЖА КУТОНА

Так пустились они в плаванье без руля и ветрил по этому кровавому морю, где террор вечно порождал террор.

Э. Кине "Революция"

Кто из читавших что-либо о Французской революции XVIII в. не слышал о "триумвирате" Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, который правил Республикой на протяжении самого тяжелого года ее существования? Вопрос, конечно, чисто риторический. Нет такой работы, посвященной якобинскому периоду Революции, где три вождя монтаньяров не упоминались бы через запятую как вершители судеб французской нации в смутную годину Великого террора. Ни один из них в те роковые месяцы не отделял себя от двух других: идеи и политика — все было общим. Известный исследователь Революции Ж. Мишле назовет их позднее "Робеспьером в трех лицах"[1], подчеркнув единство в словах и действиях. Не разделили их и враги: все трое закончили жизни в один день на одном эшафоте.

Однако после смерти история уготовила им разные судьбы. Робеспьер и Сен-Жюст все двести лет, минувших с той поры, неизменно привлекали внимание историков и литераторов. Каталог их жизнеописаний насчитывает десятки, если не сотни названий. Хорошо известны их портреты: на страницах едва ли не каждого учебника о том времени мы видим строгое лицо чопорного провинциального адвоката с холодным взглядом диктатора и чеканный профиль юного красавца, не знающего сомнений и жалости. Их сочинения неоднократно издавались на родине и были переведены во многих странах.

На фоне столь активного интереса к делам и мыслям Робеспьера и Сен-Жюста посмертная судьба Кутона кажется удивительно несправедливой. На протяжении более чем двухсот лет, миновавших после Революции, о нем не было написано ни одной монографии, хотя таковых удостаивались даже гораздо менее значительные деятели той эпохи. Его жизнеописания сводились к ряду довольно кратких биографических очерков, два из которых, правда, принадлежали классикам историографии Французской революции — А. Олару и А. Собулю[2]. И даже появление в 1996 г. первой монографии о Кутоне ничуть не улучшило ситуации, поскольку

---

[1] *Michelet J.* Oeuvres complètes. Révolution française. P., 1899. T. 7. P. 5.

[2] См.: *Aulard A.* Les orateurs de la Révolution. P., 1907. T. 2; *Soboul A.* Portaits de révolutionnairs. P., 1986.

эта, *выполненная крайне небрежно, работа Мартины Браконье* изобилует огромным количеством грубых ошибок, если не прямых фальсификаций[3].

В посвященных Революции сочинениях общего характера сведения о Кутоне ограничиваются, как правило, сообщением о том, что при Старом порядке он был юристом и что страдал тяжелой болезнью, приведшей к параличу ног. Его портреты публиковались крайне редко и долгое время были практически неизвестны широкому кругу читателей, как и его произведения. После публикации в 1872 г. овернским эрудитом Франциском Межем (Mège) томика писем Кутона сочинения последнего отдельным изданием во Франции больше не выходили. Единственное же в мире собрание "Избранных произведений" Ж. Кутона, выпущенное к 200-летию его смерти, увидело свет далеко за рубежами его родины[4].

Чем объяснить подобное отношение исследователей к одной из центральных фигур Французской революции? Во всяком случае, отнюдь не отсутствием интереса к самой Революции и, в частности, к такой чрезвычайно важной проблеме ее истории, как идеология и практика робеспьеризма. Думаю, взоры ученых, занимавшихся данной темой, были обращены, прежде всего, на товарищей Кутона по "триумвирату" потому, что именно Робеспьер и Сен-Жюст наиболее полно обосновали и описали тот социальный идеал, который "партия" робеспьеристов настойчиво пыталась воплотить в жизнь. Кутон же, выполняя огромный объем черновой работы по применению этих принципов на практике, не поднимался на столь высокий уровень теоретических обобщений, как его соратники.

И все же без знания произведений Кутона — произнесенных им речей и докладов, вышедших из под его пера постановлений, декретов и писем, — *являвшихся своего рода мостиком между высокой теорией и повседневной политикой*, наши представления о феномене робеспьеризма, о первой попытке осуществить утопический идеал в масштабах целой страны средствами революцион-

---

[3] *Braconnier M.* Georges Couthon, Conventionnel auvergnat ou les métamotphoses de la Raison. Saint Julien-Chapteuil, 1996. Ограничусь одним, но весьма ярким примером обращения М. Браконье с источниками. Объясняя, почему она не использовала в своей монографии материалы *личного архива Кутона, конфискованные у него после ареста* (Archives nationales. T. 566. Papiers saisis chez Couthon), то есть основной фонд документов, имеющих отношение к данному персонажу, М. Браконье сообщает: "Картон практически пуст. Будучи некогда разграблен, он содержит не более 11 единиц хранения" (*Braconnier M.* Op. cit. P. 273). Однако тем самым она явно вводит читателя в заблуждение, ибо, на самом деле, этот исключительно богатый фонд содержит сотни документов, в чем мне в 1996 г. довелось убедиться лично.

[4] *Кутон Ж.* Избранные произведения 1793—1794. М., 1994.

ного насилия, безусловно, останутся неполными. Тем более что постоянное участие в практической деятельности побуждало Кутона более конкретно и откровенно излагать то, что его коллеги облекали в туманные покровы абстрактной метафизики. Обратившись к словам и делам героя давно прошедших дней, мы можем увидеть, как проступают сквозь дымку времени неповторимые черты его личности, а на смену имени-символу приходит образ реального человека, сыгравшего одну из главных ролей в великой трагедии Французской революции.

* * *

Жорж Кутон — четвертый ребенок нотариуса Жозефа Кутона и дочери купца Марии Лафон — родился 22 декабря 1755 г. в местечке Орсе провинции Овернь. Профессия юриста передавалась в семье из поколения в поколение, и неудивительно, что Жорж вступил на ту же стезю. Юношей он изучал право в Риоме и Клермоне, работая клерком у местных прокуроров, затем был принят на факультет права в Реймсе. Здесь давали далеко не самое лучшее образование, а потому сюда попадали те, кто не имел возможности учиться в более престижных университетах.

В 1783 г. Кутон начинает адвокатскую практику в Клермоне, обзаводится семьей. Он добропорядочный буржуа, может, не слишком преуспевающий, но с хорошей репутацией в этом крохотном провинциальном мирке, где о каждом известно все. По свидетельствам современников, в том числе тех, кто порицал его революционную деятельность, Кутона в Клермоне знали как человека мягкого нрава, честного, рассудительного, избегающего конфликтов. Его земляк, роялист К.И. Барант, много лет спустя писал о Кутоне: "У него было доброе и привлекательное лицо, характер — пылкий и восторженный, но в то же время — мирный и простой. Своим радушным отношением и неистощимой доброжелательностью к окружающим он завоевал всеобщую симпатию и вскоре приобрел множество друзей"[5]. О человеколюбии молодого юриста говорили и его поступки. Вместе с приходским священником и несколькими наиболее благочестивыми прихожанами он входил в местное бюро благотворительности. Кроме того, как правовед он бесплатно консультировал бедняков и помогал больницам[6].

Натура тонкая и чувственная, Кутон был весьма любвеобилен и в отношениях с женщинами, как сам позднее утверждал, не знал

---

[5] Цит. по: *Soboul A.* Op. cit. P. 93; см. также аналогичное свидетельство авторов контрреволюционного издания: Dictionnaire biographique et historique des hommes marquans de la fin du dix-huitième siècle. L., 1800. T. 1. P. 356.

[6] *Boudet M.* Les conventionnels d'Auvergne: Dulaure. P., 1874. P. 399.

меры, допуская вредные для здоровья излишества[7]. Наверное, об этом не стоило бы и вспоминать, если бы не случай, имевший для него трагические последствия. Свидетельства современников о происхождении тяжкого недуга, сделавшего Кутона калекой, расходятся в деталях, но совпадают в том, что виной всему оказалась очередная любовная история. Согласно наиболее распространенной версии, идя ночью на свидание, он заблудился, увяз по пояс в плывуне, что вызвало переохлаждение и в дальнейшем серьезные осложнения для здоровья[8]. Болезнь прогрессировала, и если в 1790 г. он еще мог передвигаться, опираясь на палку, то уже год спустя ноги его оказались полностью парализованными. Но все это произойдет несколько позднее, а пока симпатичный молодой адвокат наслаждается жизнью, более или менее успешно ведет дела в суде и, подобно многим другим просвещенным современникам, на досуге участвует в деятельности литературного общества и местной масонской ложи св. Мориса. Объединения такого рода — ложи, провинциальные академии, литературные и научные кружки — представляли собой своеобразный "инкубатор" новых форм социабельности. Признания и одобрения здесь можно было добиться только талантом и эрудицией; благородное происхождение и высокое место в государственной иерархии не давали никаких преимуществ. Деятельность таких ассоциаций строилась на демократической основе — руководителей выбирали. Здесь приобретались и навыки свободной дискуссии. Неудивительно, что в государстве, где подавляющее большинство населения не имело доступа к политике, подобные сообщества были теми "школами демократии", откуда вышли люди, ставшие душой Революции как в центре, так и на местах.

Вместе с другими членами литературного общества Клермона Кутон увлеченно предавался занятиям изящной словесностью и, по-видимому, небезуспешно. По крайней мере, один из его литературных опытов заслужил одобрительный отзыв на страницах провинциальной газеты: «В конце заседания была заслушана "Речь о терпении". Эта работа, изящно написанная и с выражением прочитанная, полностью соответствует прекрасному характеру г-на Кутона, ее автора и исполнителя»[9]. Заметную роль Кутон играл и на собраниях масонской ложи, где занимал высокую должность "первого смотрителя", уступавшую по значимости только должности "достопочтимого" (председателя ложи)[10].

Когда началась Революция, движение за преобразования возглавили представители просвещенной элиты: либерально настроенные дворяне, юристы, лица свободных профессий. Кутон, при-

---

[7] *Aulard A.* Op. cit. P. 434.
[8] Ibid. P. 433.
[9] Цит. по: *Boudet M.* Op. cit. P. 109.
[10] Ibid. P. 108.

надлежавший к этой наиболее активной части общества и пользовавшийся у себя в городе доброй репутацией и немалым авторитетом, быстро выдвинулся в число самых решительных борцов со Старым порядком. После восстания парижан 13 — 14 июля 1789 г. по стране покатилась волна "муниципальных революций", радикально изменивших состав местных органов власти. В те дни Кутон стал членом муниципалитета Клермона и вскоре приобрел весьма значительное влияние. Через год граждане дистрикта доверили ему пост председателя суда. Тогда же он выступил одним из основателей Общества друзей конституции, созданного по образцу парижского Клуба якобинцев.

Однако бурная деятельность на новом поприще далеко не сразу привела к значительным изменениям взглядов и характера Кутона: в этот период он еще проявлял осторожность и осмотрительность, склонность к компромиссам и сглаживанию противоречий. Так, агитируя в муниципалитете за "гуманитарную подписку" в помощь малоимущим, он выдвигал следующий аргумент: "Удовлетворяя насущные потребности бедных, вы непременно обеспечите безопасность богатых"[11].

Духом компромисса проникнуто и единственно известное нам художественное произведение Кутона — пьеса "Обращенный аристократ", написанная в июне 1791 г. Это диалог двух дворян: дядюшки, горячего поклонника Революции, и племянника, еще не выбравшего к какой стороне примкнуть. В конце концов, красноречие первого возымело успех, и вот уже его собеседник торжественно провозглашает: "Нет, я больше не сопротивляюсь. Радуйтесь, уважаемый человек, своей полной победе. Я принял ваши принципы, проникся вашим духом, загорелся вашим патриотизмом и вместе с вами славлю эту благотворную Конституцию, которую прежде не понимал, отчего в душе сожалею, что так долго был жертвой заблуждения и предрассудков"[12]. В уста своего героя автор вложил и слова поддержки ограниченной монархии, которую предпочитал республике, ибо считал, что к той народ еще не готов, из-за чего демократию легко может сменить тирания. Таковы были воззрения Жоржа Кутона на исходе второго года Революции: конституционный монархист, сторонник постепенных и осторожных преобразований.

Попытка Людовика XVI скрыться за границей, пресеченная в Варенне, подорвала веру французов в "короля-патриота", изменила их отношение к монархии. Идея республики получала все большее распространение. Убеждения Кутона также быстро радикализировались. Впрочем, сие отнюдь не означало, что его политическая эволюция являлась всего лишь отражением меняющихся настроений общества. Ее обусловили и определенные качества его

---

[11] Цит. по: *Soboul A.* Op. cit. P. 95.
[12] Цит. по: *Aulard A.* Op. cit. P. 431 — 432.

личности. Уже первые успехи на поприще общественной деятельности пробудили в нем особый вид честолюбия, свойственный политикам, а именно — неутолимую жажду власти. Поскольку в годы Революции успехи того или иного политического деятеля во многом зависели от степени его популярности, Кутон хорошо овладел искусством нравиться избирателям. Однако при этом он нисколько не походил на тщеславного демагога, упивающегося самим фактом своего господства над толпой. В неустанном стремлении Кутона к власти проявлялась мессианская одержимость идеей, что он призван облагодетельствовать род людской. Несчастный калека, которого недуг лишил простых земных радостей, мечтал о бессмертной славе избавителя человечества от бед и тягот этой жизни. Отсюда — обостренная нетерпимость ко всему, что, по его мнению, могло этому воспрепятствовать. А. Олар обратил внимание на любопытную закономерность: взгляды Кутона менялись по мере обострения его болезни. Чем сильнее он страдал физически, тем жестче относился к оппонентам. "Было что-то лихорадочное и болезненное в той энергии, которую он обращал против врагов робеспьеристской политики", — отмечал Олар[13].

Когда наступила пора выборов в Законодательное собрание, ассамблея выборщиков департамента Пюи-де-Дом (так в соответствии с новым административным делением стала называться Нижняя Овернь) поначалу даже не рассматривала его в качестве возможного кандидата, считая, что он просто физически не способен выполнять обязанности депутата. Тогда Кутон выдвинул себя сам и убедил присутствующих проголосовать за него. Так начался парижский период его деятельности.

Уже на одном из первых заседаний Собрания, посвященном обсуждению процедурных вопросов, Кутон выступил с дерзким предложением радикально изменить порядок приветствия короля. Достаточно и того, заявил он, чтобы депутаты вставали и снимали шляпы при появлении монарха, но, как только тот займет свое место, они тоже должны садиться. Кроме того, он потребовал лишить короля привилегии сидеть в Собрании на особом, роскошно украшенном кресле. Обращаться же к монарху отныне надо было, по мнению Кутона, не "Сир" или "Ваше Величество", а просто — "король французов"[14]. Сам по себе подобный демарш не требовал большой смелости, ибо Людовику XVI за два с лишним года Революции, а тем более после неудачной попытки эмигрировать не раз приходилось терпеть и большее унижение. Однако то, что безвестный депутат из Оверни, выказав столь явное неуважение к главе государства, не только не получил отпор, но, напротив, снискал одобрение большинства коллег, свидетельствовало об окончатель-

---

[13] Ibid. P. 432—433.

[14] Archives parlementaires de 1787 à 1860. Ser. 1. P., 1890. T. 34. P. 83. (Далее: AP).

ном падении престижа монархии. После такого парламентского дебюта имя Кутона прогремело на всю страну.

Однако, добившись столь громкой, хотя и несколько скандальной славы, Кутон в последующие месяцы отходит в тень, проявляя присущие ему сдержанность и осмотрительность. И в Собрании, и в Якобинском клубе он выступает редко, больше слушает других. Зато, если ему все же приходится говорить, он демонстрирует хорошие ораторские способности, легко и надолго овладевая вниманием аудитории. "Лицо его имеет матовый оттенок, черты тонкие и строгие, взгляд одновременно и доброжелательный, и страстный, голос уверенный, но легко передающий волнение; вот он неподвижно сидит на своем месте, лаская с задумчивым видом щенка, которого постоянно держит на коленях. Говорит благородно, интересно, доступно, всегда низким и взволнованным голосом", — таким запечатлела Кутона память современника[15].

Любопытно, что Кутон был единственным депутатом, которого никогда не перебивали. Коллеги, в том числе политические противники, выражали таким образом сочувствие человеку, ставшему инвалидом в столь молодом возрасте. Справедливости ради, однако, надо заметить, что сам он злоупотреблял подобным к нему отношением и не упускал возможности лишний раз напомнить о болезни для придания вящей убедительности своим словам. Во время дискуссии он, не находя, видимо, других аргументов, не раз заявлял: вы спорите с тем, кто одной ногой уже в могиле! Разумеется, это действовало безотказно: оппонентам ничего не оставалось, как уступить.

Наиболее значительную речь в Законодательном собрании Кутон произнес 29 февраля 1792 г., обосновывая необходимость пересмотра в пользу крестьян аграрного законодательства. "Несчастный, — говорил он о земледельце, — не имеющий ничего, кроме собственных рук, никакого имущества, кроме заступа, не вправе использовать их даже для удовлетворения своих нужд. Природа предоставляет ему бесплодную, заброшенную землю, покрытую с самого сотворения мира уродливыми глыбами. Но если он захочет удобрить своим потом эту часть великого всеобщего достояния, то во время сбора урожая появится его бывший сеньор, чтобы отнять четвертую или по меньшей мере пятую часть плодов во имя мнимого права абсолютной собственности"[16]. В этом фрагменте налицо две характерные особенности взглядов Кутона: искренняя, хотя и несколько абстрактная симпатия к простому люду и довольно смутное представление о реальном положении дел в деревне. Так, названные им размеры еще сохранявшихся в то время остатков сеньориальных платежей откровено завышены. Что же касается позитивной части его выступления, то, как отмечал известный

---

[15] Цит. по: *Soboul A.* Op. cit. P. 96.
[16] AP. P., 1892. T. 39. P. 195.

специалист по аграрной истории А.В. Адо, "предложения Кутона отставали от требований, к которым уже пришла революционная деревня"[17].

В целом за год работы в Законодательном собрании Кутон приобрел репутацию решительного противника королевской власти. Однако ему были чужды ультрареволюционный экстремизм левых якобинцев и кордельеров.

Будучи одним из идеологов ниспровержения монархии, Кутон, тем не менее, не смог воочию увидеть плоды своих усилий: в день восстания 10 августа 1792 г. его не было в Париже, так как он находился на лечении в курортном местечке Сент-Аман. Впрочем, данное обстоятельство неожиданно обернулось для него своеобразной выгодой: в отличие от ряда видных деятелей Революции, он не скомпрометировал себя растерянностью и колебаниями в решающие часы борьбы и в то же время незримо участвовал в восстании как идейный вдохновитель. Неудивительно, что в дальнейшем молва отвела ему важную роль в происшедших событиях. Например, знаменитый журналист Прюдом позднее сообщит, что якобы именно на квартире Кутона собирались для подготовки восстания революционные вожди — Робеспьер, Марат, Дантон, герцог Орлеанский, Петион и др.[18] На самом деле нечто подобное было маловероятным, ибо в ту пору Кутон держался на расстоянии от всех политических группировок, занимая довольно независимую позицию. Впрочем, его республиканизм ни у кого сомнений не вызывал, а потому по возвращении 28 августа в Париж он был встречен с почестями как истинный триумфатор.

Став депутатом Конвента от департамента Пюи-де-Дом, Кутон и здесь поначалу пытался играть ту же роль, что и в Законодательном собрании, — роль независимого республиканца, стоящего над интригами и усобицами "партий". Это была нелегкая задача. С первых же дней Конвент превратился в арену ожесточенной борьбы между "партиями" жирондистов, которые представляли собой просвещенную элиту общества и стремились к созданию правового республиканского государства, и монтаньяров (в большинстве — членов Якобинского клуба), тяготевших к диктаторским методам и искавших поддержку у плебса.

Рано или поздно Кутону предстояло сделать выбор. Ему явно импонировала идея жирондистов "упорядочить" революцию, подчинить ее закону и прекратить "эксцессы". Крайне отрицательно относился он к широко обсуждавшейся тогда возможности уста-

---

[17] *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 248. То, что в сложившейся тогда ситуации предложения Кутона были весьма умеренными, признавал и Жорес, несмотря на все свое восхищение общим пафосом данного выступления (см.: *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. М, 1978. Т. 2. С. 32—33).

[18] Dictionnaire biographique... P. 356.

новления диктатуры триумвирата — Робеспьер, Дантон, Марат. Уже на первом заседании Конвента 21 сентября 1792 г. Кутон заявил: "Я слышал, как с ужасом говорили о триумвирате, о протекторате, о диктатуре; в обществе распространяется слух, что в Конвенте формируется партия, выступающая за какую-то из этих форм правления... Поклянемся же все в верности суверенитету народа — суверенитету во всей его полноте. Заклеймим же позором одинаково и монархию, и диктатуру, и триумвират..."[19]

Особую неприязнь у Кутона вызывал Марат с его авторитарными устремлениями и постоянными призывами к массовому истреблению политических противников. Член Конвента и земляк Кутона Ж.А. Дюлор вспоминал позднее о таком случае. Во время второго заседания Конвента Кутон, сидевший в нише окна, вдруг оказался в окружении нескольких парижских депутатов, сопровождавших Марата. Подчеркнуто демонстрируя симпатию, "Друг народа" положил ему на плечо тяжелую руку и, добродушно осклабившись, обратился к спутникам: "Вот он, хороший патриот Кутон!" Однако тот, с трудом сдерживая отвращение, повернулся к Дюлору и прошептал: "Будь добр, забери меня от этих бандитов!" Дюлор взял калеку на руки и перенес в другую часть зала[20]. Правда, в публичных выступлениях Кутон не выказывал антипатии к Марату, предпочитая безличные формулировки. Например, 25 сентября, когда депутаты обсуждали антиконституционную деятельность "Друга народа", Кутон по ходу дискуссии предложил карать смертью *любого*, кто захочет ввести диктатуру[21].

Отношения Кутона с Робеспьером в начале работы Конвента также мало напоминали тот тесный альянс, который установится между ними позднее. Они познакомились, отмечал А. Собуль, еще в 1791 г., о чем свидетельствует октябрьское письмо Робеспьера из Арраса, в котором он просит своего парижского домохозяина передать Кутону привет. В борьбе против монархии Робеспьер и Кутон были союзниками, а потому не удивляет сожаление Робеспьера по поводу отъезда Кутона на воды: "Нам вас недостает, — писал он. — Не могли бы вы поскорее вернуться домой. Мы ждем вас с нетерпением. Мы ждем вашего возвращения и вашего выздоровления"[22]. Впрочем, столь вежливое выражение участия вовсе не означало их личной или даже политической близости. По свидетельству современников, еще в начале осени 1792 г. Кутон испытывал довольно сильное недоверие к Робеспьеру. Однажды, когда депутаты Пюи-де-Дома собрались у Кутона на еженедельное совещание, слово взял Дюлор: "Я вижу, что Робеспьер в конечном счете не кто иной, как интриган..." — "Интриган? — с жаром перебил

---

[19] AP. T. 52. P., 1897. P. 70.
[20] *Boudet M.* Op. cit. P. 125.
[21] AP. T. 52. P. 143.
[22] *Soboul A.* Op. cit. P. 104.

его Кутон, — нет, вы слишком к нему добры. Что касается меня, то я считаю его большим негодяем!"[23]

Не менее настороженно относился Кутон и к жирондистам. Он не разделял их желания привлечь к суду должностных лиц повстанческой Коммуны Парижа, с молчаливого согласия которых толпа плебса совершила 2—4 сентября 1792 г. массовые убийства заключенных в тюрьмах. Сам Кутон вполне терпимо отнесся к этому чудовищному кровопролитию, будучи убежден, что народ всегда прав. 4 сентября именно в тот момент, когда в тюрьмах шла резня, он хладнокровно писал избирателям: "Я только что узнал, что Бисетр, сопротивлявшийся часть ночи, теперь взят и что народ юридически осуществляет там свою верховную власть"[24].

О стремлении Кутона к независимости от враждующих фракций говорит его письмо к землякам от 12 октября: "В Конвенте существуют две партии. Здесь есть люди, чьи утрированные принципы толкают на пагубный путь, ведущий к анархии. Есть здесь и другие люди — хитрые, ловкие интриганы, для которых особенно характерно чрезмерное честолюбие. Они выступают за республику, потому что за нее высказалось общественное мнение, но республику аристократическую, дабы увековечить свое влияние и самим распоряжаться выгодными местами и должностями"[25]. Под первыми Кутон, очевидно, имел в виду сторонников Марата, под вторыми — жирондистов.

Однако в условиях все более усиливавшейся поляризации сил приходилось выбирать: либо стать на сторону одной из двух враждующих "партий", либо обречь себя на роль статиста в числе других депутатов "болота". Разумеется, для Кутона с его кипучей энергией и огромным честолюбием второе было совершенно неприемлемо. Но к какой из выстроившихся друг против друга фаланг примкнуть? Выбор Кутона определила неудачная попытка войти в состав конституционной комиссии.

Главной целью созыва Конвента было принятие новой Конституции. Выработка этого документа возлагалась на конституционную комиссию. Ее члены, таким образом, получали шанс остаться в истории творцами нового, невиданного дотоле по совершенству государственного порядка. А ведь именно этой роли жаждал для себя Кутон. Он даже сделал кое-какие наброски к будущему проекту Основного закона. Но такое назначение не могло состояться без согласия Жиронды, доминировавшей тогда в Конвенте, а потому Кутон попытался заручиться поддержкой ее лидеров. Однако они не оценили его доброй воли и тем самым опрометчиво подтолкнули в лагерь своих противников. Среди девяти членов комис-

---

[23] *Boudet M.* Op. cit. P. 125.
[24] Ibid. P. 126. Бисетр — одна из парижских тюрем.
[25] *Soboul A.* Op. cit. P. 99.

сии места для Кутона не нашлось, и жестоко обиженный он открыто принял сторону монтаньяров.

12 октября на заседании Якобинского клуба Кутон фактически объявил войну жирондистам, став с тех пор одним из наиболее решительных их противников. Благодаря авторитету и бьющей через край энергии, он сразу же оказался на первых ролях в стане монтаньяров. Уже 19 октября его включили в состав так называемой вспомогательной конституционной комиссии, созданной монтаньярами в противовес основной, где доминировали жирондисты. Таким образом, новые союзники Кутона охотно предоставили ему возможность испытать свои силы в качестве отца-основателя нового строя.

В ходе процесса над Людовиком XVI Кутон занял самую жесткую и бескомпромиссную позицию. При поименном голосовании он без колебаний заявил о виновности короля, о необходимости предания его смертной казни и отверг предложение обратиться по данному вопросу к мнению народа.

Весна 1793 г. прошла в острой борьбе между "партиями" Горы и Жиронды. Наряду с другими лидерами монтаньяров Кутон не раз вступал в словесные баталии с соперниками. В этот период у него устанавливается хорошее взаимопонимание с Робеспьером, переросшее затем в дружбу. Их сближала общность идей и политики. И тот, и другой были фанатичными приверженцами философской системы Ж.Ж. Руссо; и тот, и другой предпочитали легальные методы политической борьбы разгулу народной стихии.

Весьма характерно, что если отношения Кутона с Робеспьером претерпели за полгода разительную перемену, то на Марата, фактически подстрекавшего плебс к расправе с неугодными депутатами, Кутон по-прежнему смотрел с плохо скрываемой неприязнью. Он вовсе не был против физического устранения политических противников ("За свою жизнь, — говорил он, — я не обидел и цыпленка, но когда этим людям будут рубить головы, я не отведу глаз"[26]), однако считал, что оно должно быть легальным. В письме землякам от 16 мая 1793 г. Кутон так объяснял эту разницу в подходах: "Я отдам всю свою искалеченную болезнью жизнь на благо народа, но, если мои усилия окажутся бесплодными, я не стану, как Марат или другие схожие с ним злодеи, призывать народ подняться, чтобы сносить головы. Любые кровавые методы вызывают у меня ужас. Нет, в свое время я сумею сказать народу, что, поскольку его друзья не в силах его спасти, он сам должен спасти себя, предав *мечу закона* (курсив мой. — *А.Ч.*) тех, кто ему изменил"[27]. Позднее, следуя данному принципу, Кутон, как и Робеспьер, будет изо всех сил противиться тому, чтобы террор походил на вспышки

---

[26] *Boudet M.* Op. cit. P. 166.
[27] Ibid. P. 165.

слепой ярости. Он весьма негативно отнесется к подобного рода "эксцессам" в Лионе и Нанте, но будет активно проводить политику истребления политических противников с соблюдением, хотя бы минимальным и чисто внешним, юридических формальностей.

* * *

Мы подошли к последнему году жизни Жоржа Кутона, ставшему вершиной его политической деятельности и одновременно — последней ступенью перед эшафотом. Именно в этот период он входил в узкий круг избранных, безраздельно управлявших судьбой целой страны. Хотя, как мы видим, Кутон стремился к вершинам власти с самого начала Революции, но, похоже, даже весной 1793 г. он еще не представлял, как скоро сбудутся его мечты. Плечом к плечу с соратниками-монтаньярами он пытался вытеснить жирондистов с господствующих позиций в Конвенте, с боем беря каждый шаг. И вдруг стихия народного восстания всего за три дня смела его противников и привела якобинцев к заветной цели. Это произошло 31 мая — 2 июня 1793 г.

Конечно, Кутон и его единомышленники внесли немалый вклад в идейную подготовку восстания, изо дня в день с трибуны Якобинского клуба и Конвента внушая рядовым гражданам, что жирондисты "предают" народ и мешают углублению Революции. Однако ни он, ни Робеспьер, ни близкие к ним люди не участвовали в организации восстания, которое было подготовлено вожаками парижских секций, людьми без определенных занятий, для которых в годы Революции бунт стал основной профессией. Более того, Робеспьер и Кутон не считали возможным насильственное изгнание из Конвента законно избранных депутатов, а просили народ лишь оказать давление на его представителей, чтобы колеблющихся склонить на сторону монтаньяров.

31 мая Париж проснулся от набата, в который ударили по приказу повстанческого комитета. Улицы заполняются вооруженными людьми. Барабаны бьют общий сбор. Правда, у организаторов выступления нет ни четкого плана, ни единодушия: кто-то готов довести дело до резни наподобие сентябрьской, кто-то хотел бы ограничиться вооруженной демонстрацией. Город бурлит, но никто не знает, что делать. Не получая приказов, национальные гвардейцы в растерянности топчутся на улицах и площадях. Все ждут, чем завершатся развернувшиеся в Конвенте дебаты. Там жирондисты пытаются добиться осуждения происходящего и привлечь к ответственности зачинщиков движения, а монтаньяры, ссылаясь на волю народа, требуют распустить Комиссию двенадцати, незадолго до того составленную Конвентом из жирондистов для расследования антиконституционных действий Парижской Коммуны

и секций[28]. Большинство Конвента колеблется, не решаясь принять чью-либо сторону. Кутон энергично вмешивается в борьбу и, заклеймив "адскую клику" жирондистов, предлагает проголосовать за упразднение Комиссии. Интересно, что даже в столь критический момент он не считает возможным солидаризироваться с Маратом, объективно являвшимся в той ситуации его союзником: "Я ни за Марата, ни за Бриссо", — заявляет он[29]. Но и Кутону не удается склонить чашу весов на свою сторону. Только после того, как вооруженная толпа ворвалась в Конвент, а Робеспьер потребовал отдать под суд всю верхушку Жиронды, усталые депутаты все же декретировали роспуск Комиссии.

Не удовлетворившись достигнутым, Марат и ультралевые агитаторы весь следующий день готовили новое выступление. С утра 2 июня Конвент был окружен батальонами национальной гвардии. Петиционеры коммуны потребовали арестовать депутатов-жирондистов. Прения происходили при нарастающем давлении толпы, вновь проникшей в здание Конвента. Солдаты блокировали двери. Депутаты возроптали: "Конвент несвободен!" Барер предложил коллегам выйти на улицу, дабы убедиться, что никто не хочет чинить насилие над национальным представительством. Но дальше сада депутатов не выпустили. Командующий национальной гвардией Анрио отдал приказ: "Канониры, к орудиям!" Члены Конвента, опустив головы и пряча друг от друга глаза, с ощущением своей полной беспомощности перед столь вызывающе дерзким насилием понуро вернулись в залу, и тут не покидавший своего места Кутон, язвительно улыбаясь, нанес последний удар: "Теперь же, когда вы признаете, что свободны в принятии решений, я требую уже не просто обвинительного акта против 22 изобличенных депутатов, но, учитывая, что общественное мнение решительно высказалось против них, я предлагаю арестовать их..."[30]. Один из лидеров Жиронды и самый блестящий ее оратор, Верньо, в сердцах воскликнул: "Кутон жаждет, дайте ему стакан крови!" Но воля Конвента уже была сломлена, и он покорно проголосовал за декрет об аресте жирондистов. Власть перешла к монтаньярам.

Заслуги Кутона в "революции 31 мая — 2 июня" были бесспорны, и косвенным их признанием явилось включение его в состав высшего исполнительного органа Республики — Комитета общественного спасения. Еще 30 мая, накануне восстания, Кутона временно прикомандировали к Комитету для редактирования проекта конституции, теперь же он (5 июня) стал полноправным его членом. В тот же день членом Комитета был избран Сен-Жюст, а

---

[28] Подробнее см., например: *Жорес Ж.* Указ. соч. М., 1983. Т. 5; *Гордон А.В.* Падение жирондистов. М., 1988.

[29] AP. P., 1904. T. 65. P. 649; *Кутон Ж.* Указ. соч. С. 56 (далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках).

[30] AP. T. 65. P. 707 [С. 57].

27 июля туда вошел и сам Неподкупный. С этого времени сплоченный робеспьеристский триумвират постепенно полностью подчиняет себе Комитет, фактически являвшийся революционным правительством Франции.

Изгнание из Конвента и арест депутатов вызвали весьма негативную реакцию в департаментах. Администрации большинства из них выразили свои протесты, в ряде провинций началось вооруженное движение против новых парижских властей. Часть скрывшихся из столицы депутатов нашла убежище в департаменте Кальвадос, ставшем центром так называемого федералистского мятежа. В Лионе, втором по величине городе Франции, большинство населения еще в конце мая приняло участие в успешном восстании против местных якобинцев, измучивших горожан откровенным произволом. В Вандее все жарче разгоралось пламя крестьянской войны под роялистскими лозунгами.

Летом 1793 г. Кутону не раз приходилось выступать в Конвенте по вопросам текущей политики. Он настойчиво подчеркивал "законный" характер восстания 31 мая — 2 июня и категорически осуждал любое несогласие с его результатами. Причем для компрометации противников он прибегал даже к самой откровенной фальсификации, обвиняя их в намерениях реставрировать монархию и посадить на престол иностранного принца[31]. Кутон был причастен и к созданию мифа о "контрреволюционном заговоре" в целях убийства Марата[32]. Юная республиканка Шарлотта Корде, по собственной инициативе убившая этого идеолога террора, была объявлена якобинцами, в том числе теми, кто сам ненавидел Марата, орудием "жирондистской клики", лишившей народ его истинного "друга".

В то же время Кутон призывал проявлять разумную осмотрительность в отношениях с мятежными департаментами и советовал не поддаваться чувству мести. Сурово порицая местные власти за поддержку жирондистов и требуя строго покарать их, Кутон, однако, постоянно указывал на необходимость проводить различие между подлинными противниками нового порядка и населением этих провинций в целом. "Конвент не должен обращаться с департаментами, как с иностранными державами", — подчеркивал он в выступлении 13 июня[33].

Предметом особой заботы Кутона было положение у него на родине, в Пюи-де-Доме. Парижские события не вызвали там поначалу ни поддержки, ни протеста: администрация и политиче-

---

[31] Ibid. P., 1906. T. 70. P. 133—134 [С. 72—74]. Даже симпатизировавший монтаньярам Ж. Жорес назвал подобное утверждение "бессмысленной гипотезой", "безумным заблуждением" и "чудовищным софизмом" (см.: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т. 5. С. 371).

[32] AP. P., 1905. T. 68. P. 722—723 [С. 66—69].

[33] Ibid. P., 1904. T. 66. P. 480 [С. 57].

ски активная часть населения не решались принять чью-либо сторону из-за недостатка информации. Из Парижа от депутатов этого департамента поступали противоречивые сведения: если Кутон полностью одобрял случившееся, то Дюлор, чье мнение пользовалось у земляков не меньшим авторитетом, резко осуждал переворот. Только после того как специальные уполномоченные Пюи-де-Дома посетили Париж и ознакомились с ситуацией, администрация департамента выступила в июле с протестом против посягательств парижского плебса на неприкосновенность депутатов Конвента.

Дальше декларации, однако, дело не пошло. Но возможность присоединения департамента к "федералистскому мятежу" была вполне реальной. Местные власти поддерживали тайную связь с инсургентами. Батальон, снаряженный для отправки в Вандею, задерживался под разными предлогами и в случае восстания мог быть использован против центрального правительства. Обо всем этом Кутон узнавал из многочисленных писем земляков-якобинцев. Он, в свою очередь, призывал их активными действиями нейтрализовать опасную политику местной администрации, инструктировал посланцев Якобинского клуба Клермон-Феррана и снабжал деньгами из секретного фонда Комитета общественного спасения для "формирования общественного мнения"[34]. Одновременно Кутону приходилось заверять Конвент в патриотических настроениях населения Пюи-де-Дома, чтобы не допустить репрессивных мер в отношении своего департамента[35].

И хотя друзьям Кутона в Клермон-Ферране удалось добиться перелома в общественном мнении и удержать сограждан от присоединения к повстанцам, все же у парижских якобинцев сохранялись немалые сомнения относительно лояльности Пюи-де-Дома. А после того как представитель Конвента при Альпийской армии Э.Л. Дюбуа-Крансе объяснил затянувшуюся осаду Лиона нежеланием властей Пюи-де-Дома прислать подкрепления, в Комитете общественного спасения было предложено отнести данный департамент к числу мятежных со всеми вытекающими последствиями. Только энергичное вмешательство Кутона удержало его коллег от подобного шага[36]. Тогда 21 августа Конвент постановил отправить туда с "неограниченными полномочиями" трех депутатов — Кутона, его друга и земляка Э.К. Менье и бывшего дворянина, опытного специалиста в военном деле А.П. Шатонефа-Рандона. Им предписывалось установить революционный порядок в Пюи-де-Доме и прилегающих местностях, провести мобилизацию рекрутов и принять решительные меры по

---

[34] *Boudet M.* Op. cit. P. 186.

[35] AP. T. 68. P. 2—3, 512 [C. 61, 64—65].

[36] *Mège F.* Le Puy-de-Dôme en 1793 et le proconsulat de Couthon. P., 1877. P. 137.

скорейшему взятию Лиона. Хотя формально "проконсулы" имели равные права, фактически миссию возглавлял Кутон. Он же готовил наиболее важные постановления, которые подписывал вместе с коллегами.

29 августа Кутон и его спутники прибыли в Клермон-Ферран. В городе было неспокойно. Накануне их приезда сторонники лионских повстанцев пытались помешать отправке подкреплений в республиканскую армию. Депутаты тотчас взялись за наведение порядка. Они собрали горожан и жителей близлежащих сел в кафедральном соборе и обратились к ним с речами. Кутон заклеймил мятежный Лион как гнездо роялизма, вторую Вандею. Такое сравнение должно было устрашить местных республиканцев, однако сказанное Кутоном не вполне соответствовало действительности: движение в Лионе начиналось как республиканское и в определенной степени таковым оставалось даже после того, как к нему примкнули роялистские элементы. Затем "проконсулы" выступили в местном Якобинском клубе. Заседание окончилось пением патриотических песен и отплясыванием фарандолы. Необходимое для дальнейших действий настроение в городе было создано.

Конец августа — начало сентября отмечены бурной деятельностью Кутона по организации похода на Лион. Его письма и постановления за этот период свидетельствуют, что ни одна из сторон будущего предприятия не осталась без внимания. Люди, финансы, боеприпасы, продовольствие, медикаменты — все ресурсы были мобилизованы для предстоящей экспедиции. Правда, выполнение поставленной задачи неожиданно осложнилось крупной военной неудачей. Собранные в Клермон-Ферране и с таким трудом отправленные войска, не успев покинуть пределов департамента, лишились командира — генерала Николя, захваченного в плен лионцами в результате смелого набега. Весть об этом вызвала уныние в стане якобинцев. Требовались энергичные меры, чтобы переломить ситуацию.

Кутон и его коллеги объявили всеобщую мобилизацию. Повсюду били в набат. Всех мужчин, способных носить оружие, призывали в ополчение. Они стекались к местам сбора с запасом продовольствия и собственным снаряжением. Ружей не хватало и многие несли топоры, косы, вилы, пики. Однако скопившиеся в городах недисциплинированные новобранцы представляли собой взрывоопасную массу. В Риоме призванные в армию крестьяне учинили беспорядки, разграбив дом зажиточного горожанина. Только решительность жителей этой коммуны, открывших огонь по разъяренной толпе, предотвратила более тяжкие последствия. 5 сентября сюда примчался Кутон. Расправа была коротка: рекрутов отправили на фронт, хозяина разграбленного дома — в тюрьму. И в столь странном решении, и в описании происшедшего в письме Конвенту ярко проявилась характерная черта мировоззре-

ния Кутона — недоверие к зажиточным слоям общества. Согласно его логике, в споре бывшего юриста Старого порядка и крестьян последние всегда правы[37].

Подозрительное отношение Кутона к средним слоям отразилось и в ряде других постановлений. Даже довольно безобидные и вполне объяснимые поступки средних и крупных собственников вызывали у него весьма резкую реакцию. Например, отъезд многих буржуа в сельскую местность из городов, переполненных рекрутами и экзальтированными санкюлотами, Кутон расценил как попытку скрыться от бдительного ока власти и развратить крестьян. Молодежь из буржуазных семей, проводившая свой досуг в кафе за беззаботной болтовней вместо того, чтобы участвовать в шумных патриотических шествиях, также казалась "проконсулу" подозрительной, и он, решив, что юноши не иначе как интригуют в кафе против Революции, приказал им пройти проверку на благонадежность[38]. В официальных документах того времени можно найти и другие примеры искаженного восприятия Кутоном реальности под влиянием идеологических стереотипов.

Риомский эксцесс побудил ускорить отправку ополчения на фронт. 5 сентября войска выступили в направлении Лиона. Это было весьма живописное зрелище: тысячи вооруженных чем попало людей нестройными колоннами брели по пыльным дорогам под трехцветными знаменами, распевая патриотические песни. Кутон не замедлил оповестить Конвент восторженным письмом. Это послание также являет собой удивительный образчик того, как виделась Кутону действительность сквозь призму догматических представлений. Согласно якобинской идеологии, Революцию себе во благо совершал весь народ, готовый на любые жертвы ради Республики. Отсюда — энтузиазм автора письма: "Департамент поднялся весь как один человек"[39]. На самом же деле часть коммун вообще не прислала рекрутов, из других пришли считанные единицы. Те же, кто выступил в поход, ежедневно дезертировали десятками. Невольно этому способствовал и сам Кутон, столь сильно преувеличивавший патриотизм сограждан. Веря в сознательность народа, он издал два постановления, освобождавшие от призыва некоторые категории граждан. Более чем туманную формулировку документа, избавлявшего от воинской повинности тех, "чей труд на их рабочем месте полезен Республике", можно объяснить только искренней убежденностью "проконсула" в том, что все жители департамента, как он сообщал в Конвент, рвутся в бой, следовательно, никому и в голову не придет злоупотребить подобным послаблением. Тем горше оказалось разочарование. После этих постановлений дезертирство приобрело едва ли не повальный ха-

---

[37] AP. P., 1908. T. 73. P. 548 [С. 86].
[38] *Mège F.* Op. cit. P. 572—573, 575—576 [С. 96—97, 100—101].
[39] AP. T. 73. P. 548.

рактер. Приостановить его удалось лишь ценой больших усилий и самых жестких мер[40].

Оставшись в Клермон-Ферране после ухода войск, Кутон принялся решительно наводить революционный порядок. После того как прежние должностные лица помогли организовать мобилизацию, их отстранили, заменив "добрыми санкюлотами". Приказом Кутона по департаменту создавались наблюдательные комитеты для надзора за гражданами и ареста подозрительных. Чтобы предотвратить возможность сопротивления властям, Кутон постановил *снести все укрепленные замки. Интересно, что его распоряжение* на полтора месяца опередило аналогичный декрет Конвента.

Когда 17 сентября колонны из Пюи-де-Дома прибыли к Лиону, осада уже вступила в завершающую стадию. Регулярные войска под командованием Дюбуа-Крансе все теснее сжимали кольцо блокады. Пришедшие ополченцы из-за слабых боевых качеств не представляли собой серьезной силы, но могли быть использованы для прикрытия второстепенных направлений. Блокада стала еще плотнее, падение мятежной твердыни было делом ближайшего будущего. Но развязка наступила даже раньше, чем ожидалось. 2 октября в армию приехал Кутон. На военном совете он потребовал отказаться от всех тактических тонкостей: "Тактика — опиум народных восстаний" — и взять Лион штурмом[41]. Началась артиллерийская бомбардировка города. 7 октября осажденным предъявили ультиматум, приказав сложить оружие и выдать руководителей обороны. В ночь с 8 на 9-е около двух тысяч защитников Лиона вместе с командирами совершили отчаянную попытку прорваться к швейцарской границе, но почти поголовно были истреблены войсками и ополченцами. Лион пал[42].

Утром 9 октября республиканская армия вступила в город, замерший в ожидании возмездия. Выбравшиеся из укрытий и поощряемые Дюбуа-Крансе местные якобинцы жаждали реванша. Крестьяне-ополченцы мечтали имуществом побежденных вознаградить себя за вынужденный отрыв от полевых работ. Угроза резни и грабежа была более чем реальной. Но Кутон остался верен принципу "нельзя обращаться с департаментами, как с побежденными странами". Когда он, столько сделавший для скорейшего взятия Лиона, въехал победителем в полуразрушенный город, на его лице, как свидетельствует очевидец-роялист, "было написано милосердие"[43]. *Под страхом наказания он запретил грабежи и самочинные* аресты. Воссозданные якобинцами секционные собрания вновь были распущены. Ополчение вывели из города; для жителей Лиона завезли продовольствие.

---

[40] *Mège F.* Op. cit. P. 178—181, 194, 554—556 [С. 87—88].
[41] AP. P., 1910. T. 76. P. 284 [С. 107].
[42] Подробнее см.: *Herriot Ed.* Lyon n'est plus: In 4 vols. P., 1937—1940.
[43] Цит. по: *Mège F.* Op. cit. P. 240. См. также: *Aulard A.* Op. cit. P. 445.

Репрессивные меры Кутон свел к минимуму. Разрушению подверглись только городские укрепления. Для наказания вождей мятежников были созданы военная комиссия и комиссия народного правосудия из якобинцев Пюи-де-Дома, не имевших в Лионе личных пристрастий. Хотя аресты шли постоянно, за время пребывания Кутона смертные приговоры были вынесены только 22 руководителям восстания и двум видным роялистам. Характерно, что после его отъезда, когда Лион захлестнет волна массового террора, назначенный им состав комиссии будет почти полностью сменен за "излишнюю мягкость"[44].

12 октября Конвент принял декрет, гласивший: «Город Лион будет разрушен. Все жилища богатых должны быть уничтожены... Имя Лиона будет вычеркнуто из списка городов Республики. Совокупность оставшихся домов будет отныне носить название "Освобожденной Коммуны". На развалинах Лиона будет воздвигнута колонна... на ней будет выгравирована следующая надпись: "Лион восстал против свободы — Лиона больше нет"»[45].

Получив этот страшный декрет, Кутон ответил восторженным письмом, обещав с абсолютной точностью исполнить волю Конвента[46]. На деле же он всячески затягивал осуществление бессмысленно жестоких, на его взгляд, репрессий. Однако, не имея возможности откладывать их до бесконечности, он просил Сен-Жюста добиться для него разрешения покинуть обреченный город[47]. А пока ответ не пришел, Кутону ничего не оставалось, как подчиниться решению Конвента. Лишь 25 октября он издал соответствующее постановление, а на следующий день вместе с должностными лицами городской администрации и солдатами прибыл на площадь Белькур, где находились самые богатые и красивые дома. Ударив трижды по фасаду одного из них молоточком, Кутон торжественно произнес: "Именем закона приговариваю тебя к разрушению" и ... удалился! Реальное разрушение отложили до тех пор, пока жители не переселятся в другое место и не будут созданы специальные отряды рабочих. Когда 3 ноября "проконсул" покидал город, дома на площади Белькур еще стояли. Некоторое время спустя, с прибытием "палачей Лиона" — Колло д'Эрбуа и Фуше — их взорвут, а людей станут расстреливать картечью.

В лионской эпопее противоречивая натура Кутона проявилась во всем богатстве оттенков. С одной стороны, это истый приверженец идеологических догматов, готовый ради них пренебречь самой реальностью, фанатичный поклонник идеи, для которого она была более подлинна, чем окружающая его действительность. С

---

[44] *Mège F.* Op. cit. P. 249—252.

[45] Революционное правительство в эпоху Конвента. М., 1926. С. 639—640.

[46] AP. P., 1910. T. 77. P. 423—424 [С. 116—117].

[47] Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan etc. P., 1928. T. 1. P. 361—363 [С. 118—119].

другой — ему отнюдь не чужды такие человеческие чувства, как сострадание, жалость, отвращение к жестокости. В тот момент эти качества еще могли одновременно и сравнительно бесконфликтно уживаться в одном человеке, но уже скоро служение идее потребует от него подавить все те движения души, которые окажутся несовместимы с беспощадной борьбой во имя торжества исповедуемых им принципов.

Теперь, думаю, самое время подробнее рассказать о мировоззрении Кутона. Он, как Робеспьер и Сен-Жюст, был горячим поклонником учения Жан-Жака Руссо, создателя одной из самых известных и популярных в XVIII в. утопий, изложенной в знаменитом трактате "Об Общественном договоре" и ряде других произведений. Апологет наиболее последовательного осуществления принципа "прямой" демократии, Руссо доказывал, что созданный общей волей всей нации Политический организм (Государство) обладает неограниченной властью над каждым индивидом. Ежели какой-нибудь человек или даже целая социальная группа считают, что требования, предъявляемые им подобным Государством, противоречат их интересам, то последнее, согласно теории Руссо, вправе применять к "заблуждающимся" любую форму принуждения, дабы силой "заставить быть свободным"[48]. Однако в отличие от большинства утопических проектов того времени тоталитарная по своей сути утопия Руссо была изложена в довольно туманной форме со множеством взаимоисключающих оговорок и отступлений, окутана флером социальной демагогии и при этом не содержала никаких конкретных рекомендаций по осуществлению на практике предложенной в ней схемы идеального строя. Такая ее особенность вполне устраивала Робеспьера и Кутона на ранней стадии Революции. Находясь постоянно в оппозиции всем сменявшим друг друга правительствам, они заимствовали из книг Руссо аргументацию для критики властей фактически по любому вопросу политики. Руссоистская теория являлась для них орудием разрушения Старого порядка, а потому их нимало не смущали расплывчатость и противоречивость ее отдельных положений. Скорее наоборот. Робеспьер, например, опирался на авторитет Руссо, как требуя полной отмены смертной казни, так и призывая скорее отправить короля на эшафот. Все зависело от того, что было выгодней в данной политической ситуации.

Когда в результате народного бунта робеспьеристы (так называли наиболее близких к Неподкупному якобинцев) пришли к власти, они какое-то время действовали, исходя из обстоятельств текущего момента. В течение нескольких месяцев они ежедневно вынуждены были решать насущные вопросы сохранения революционного режима, не имея возможности задумываться о более от-

---

[48] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* У истоков революционного утопизма. М, 1991. С. 21—30; *Он же.* Утопии века Просвещения. М., 2000. С. 65—78.

даленной перспективе. Конечно, в своих действиях, как мы видели на примере Кутона, они руководствовались определенными идеологическими постулатами, иногда даже вопреки действительности, но все же в целом эта идеология еще не приобрела строгих очертаний догматической схемы, имеющей самодовлеющее значение. Однако как только пресс сиюминутных нужд ослабел и открылась возможность от борьбы за выживание перейти к созидательной работе, для них стала очевидной необходимость привести свои принципы в систему, придав им форму позитивной программы, способной служить руководством к конкретным действиям. Пожалуй, первым из робеспьеристского триумвирата с подобной проблемой столкнулся Кутон.

По окончании лионской экспедиции он вернулся в Пюи-де-Дом с намерением провести преобразования, которые сделали бы его департамент образцом для всей Франции. Именно здесь абстрактный идеал Руссо впервые должен был обрести плоть и кровь повседневной реальности.

Если для общественной мысли XVIII в. в целом характерно повышенное внимание к этическим вопросам, к проблеме воспитания гражданских добродетелей, то Руссо вообще возвел данный аспект в абсолют, считая мораль наиважнейшим компонентом социальной жизни. Соответственно главную задачу совершенного государства он видел в принудительном утверждении норм "естественной" нравственности: "Если это хорошо — уметь использовать людей такими, каковы они, — то еще много лучше — сделать их такими, какими нужно, чтобы они были; самая неограниченная власть — это та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки"[49]. Законы, регулирующие сферу морали, Руссо называл "замковым камнем" свода всего государственного здания.

Особую роль в утверждении надлежащей нравственности Руссо отводил религии: "Для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности"[50]. Разумеется, христианство, предполагавшее духовную свободу человека от земных властей ("кесарево кесарю, а Божие Богу"), не подходило, по мнению философа, на роль гражданского культа: "Эта религия, не имея никакого собственного отношения к Политическому организму, оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой, и от этого одна из главнейших связей отдельного общества остается неиспользованною. Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного"[51]. Таким образом,

---

[49] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 119.
[50] Там же. С. 254.
[51] Там же. С. 252.

формально выступая за веротерпимость, Руссо не оставлял места христианству в своем идеальном государстве. Новая мораль требовала новой религии.

Кутон, прилежный ученик Руссо, также считал "естественную", или, как он ее еще называл, "вселенскую" (*universelle*) мораль важнейшим средством разрешения всех проблем общества. Причем этическое объяснение он давал не только политическим или социальным, но и экономическим явлениям. Например, еще будучи в Париже, он видел причины инфляции не в состоянии экономики, а в развращающем влиянии англичан[52]. Когда в Клермон-Ферране торговцы, напуганные инцидентом в Риоме и лишившиеся из-за рекрутского набора значительной части клиентуры, опасались открывать лавки, Кутон расценивал это как следствие испорченности и злого умысла[53].

Соответственно путь к вожделенному царству Свободы, Равенства и Братства, по Кутону, — воспитание, просвещение, искоренение "фанатизма и предрассудков" (под коими он понимал католицизм), борьба с "нравственной испорченностью", которая трактовалась как преступление против Революции. А поскольку для утверждения в обществе новых этических ценностей требовалась сильная государственная власть, триумфальное возвращение на родину покорителя Лиона ознаменовалось еще более радикальной, чем прежде, "чисткой" органов управления. Уже в день отъезда из Лиона Кутон издал постановление об аресте и предании суду бывших должностных лиц администрации Пюи-де-Дома, подписавших в июне протест против изгнания жирондистов. Вернувшись в департамент, Кутон произвел перестановки в составе наблюдательных комитетов, пополнив их своими людьми. В то же время он усилил контроль над этими органами, создав для того Временную передвижную комиссию всеобщего наблюдения. Из народных обществ — местных аналогов Якобинского клуба — по требованию Кутона были изгнаны все колеблющиеся. Предпринятые им кадровые изменения оказались настолько эффективными, что вплоть до падения робеспьеристов местные власти ревностно и беспрекословно выполняли намеченную Кутоном программу преобразований.

Центральным пунктом данной программы являлось вытеснение католичества искусственно создаваемым гражданским культом. Уже в Амбере, первом городе департамента, куда Кутон и Менье торжественно прибыли по окончании лионской кампании, они издали постановление о публикации за государственный счет антихристианских куплетов и рассылке их по всем коммунам Пюи-де-Дома. 20 брюмера (10 ноября 1793 г.) Кутон устроил в Бий-

---

[52] AP. T. 70. P. 75, 104 [С. 70—71].
[53] *Mège F.* Op. cit. P. 563—564 [С. 92—93].

оме публичное разоблачение реликвии "святой крови" и, наконец, по прибытии в Клермон-Ферран издал постановление о запрете всех культов[54].

В те дни по всей Франции развернулась кампания дехристианизации, тон которой задавали ультрареволюционеры из Парижской Коммуны. Однако антикатолические меры Кутона, несмотря на сходство методов, нельзя ставить в один ряд с деятельностью Шометта в Париже, Дюмона в департаменте Сомма, Фуше в Невере, Лекиньо в Шаранте и других дехристианизаторов. Если те, оскверняя храмы и принуждая священников к отречению, стремились заменить религию атеизмом, для которого они придумали эвфемизм "культ Разума", то Кутон вовсе не желал отказываться от веры в "Создателя Вселенной, поддерживающего гармонию в природе и творящего чудеса, которыми мы восхищаемся, не понимая их"[55]. Борясь с христианством, он отнюдь не хотел видеть на его месте зияющую пустоту атеизма. Еще 25 июня, сообщая землякам о принятии Конституции, он писал: "Нас больше не обвинят в атеизме, поскольку мы признали реальность Верховного существа, отрицать бытие которого могут, на мой взгляд, только безумцы или злоумышленники, не желающие читать в великой книге природы. Нас больше не обвинят в безбожии, потому что и в Декларации прав, и в Конституции мы закрепили свободу культов"[56]. Пытаясь подорвать католичество, Кутон мечтал возвести на его руинах стройный храм гражданской религии. Вот почему его действия не вызвали и тени неудовольствия у Робеспьера, сурово осудившего атеизм дехристианизаторов.

Впрочем, верующее население Пюи-де-Дома, думаю, вряд ли столь же хорошо осознавало эту разницу, как искушенные политики. Искусственный гражданский культ был ему чужд, а святыни, которым поклонялись многие поколения, здесь подвергались не менее изощренному надругательству. 27 брюмера (17 ноября) в Иссуаре состоялся торжественный обед в честь взятия Лиона. Председательствовал сам Кутон. Апофеозом празднества стало сожжение более 200 статуй святых из церквей города. В те дни революционные общества Пюи-де-Дома организовывали публичные отречения священников, а наиболее экзальтированные санкюлоты меняли свои христианские имена на имена античных героев. Кутон показал пример, назвав себя Аристидом в память об афинском полководце.

Главным же мероприятием кампании по искоренению "фанатизма" и распространению новой морали стал пышный праздник, устроенный в честь "мучеников свободы" Марата и Шалье 30 брюмера (20 ноября) в Клермон-Ферране. Церемония началась утром

---

[54] Ibid. P. 280 – 282 [С. 122 – 124, 128 – 129].
[55] Цит. по: Ibid. P. 280 [С. 122].
[56] Ibid. P. 92 – 93.

выступлением Кутона в Якобинском клубе. Затем процессия двинулась к кафедральному собору, где официальные лица произнесли речи "о самых нравственных и самых возвышенных положениях Конституции". В заключение Кутон "в немногих словах описал столь желанную вселенскую мораль". Официальная часть завершилась исполнением патриотических песен, после чего участники торжества отправились громить храмы. С радостными возгласами санкюлоты выбрасывали изображения святых из церквей и стаскивали на центральную площадь, где был разложен огромный костер. Многие, глумясь, надевали на себя ризы и другие атрибуты облачения священников. Один из новых магистратов департамента бродил по улицам, волоча за собой на веревке особо почитаемую горожанами статую. Вечером утомленные якобинцы вновь собрались в клубе и увлеченно предались пению. Сам Кутон исполнил песню "О глупом почитании святых". Затем всесильный "проконсул" разрешил "малоимущим патриотам разрушить церкви, признанные совершенно бесполезными, и по своему усмотрению распорядиться их содержимым". Лишь глубокой ночью, когда сон сморил наконец повеселившихся за день санкюлотов, завершилось это великое торжество новой морали[57].

На празднике Кутон объявил о принятии двух мер, ставших важными элементами его политики по превращению департамента в образец для всей страны. Обе они также имели ярко выраженное этическое содержание. Первой из них было создание в Пюиде-Доме контролируемой государством системы образования и воспитания. И Робеспьер, и Сен-Жюст, и Кутон считали, что подобным образом можно наиболее эффективно обеспечить формирование идеального, на их взгляд, человека, живущего исключительно интересами государства. Этим объясняется повышенное внимание робеспьеристов к организации школы. Еще накануне отъезда в действующую армию Кутон особым постановлением запретил преподавать лицам, не имеющим свидетельства о благонадежности. Теперь же он потребовал от якобинцев создать в каждом кантоне комитет по просвещению, чтобы надлежащим образом влиять на умы и сердца сограждан.

Вторым важным шагом Кутона явился разовый налог на "богатых эгоистов" в размере 1 200 000 ливров, несколько дней спустя оформленный специальным постановлением. О том, что эта мера не вызывалась военной необходимостью и носила не столько экономический, сколько "воспитательный" характер, свидетельствует и формулировка, выбранная для определения облагаемых граждан, и само использование полученных средств. Сразу же после сообщения о налоге Кутон от имени Республики вручил по 2 тыс. ливров четырем "добродетельным девушкам", заранее подобран-

[57] Ibid. P. 293 – 295.

ным муниципалитетом. Очевидно, подобная последовательность символизировала суть политики Кутона: наказать "эгоистов", то есть нравственно испорченных людей, и воздать должное "добродетели". Собранные деньги планировалось потратить так: 225 тыс. на образование, 50 тыс. на поддержку народных обществ, 700 тыс. на помощь неимущим семьям, 225 тыс. на обеспечение занятости работоспособных бедняков.

Связь первых двух статей с политикой утверждения в обществе новых моральных ценностей очевидна. И учебные заведения, и народные общества были призваны стать рассадниками "естественной" нравственности. Финансирование же третьей и четвертой статей, помимо филантропических целей, имело, как следует из преамбулы постановления, и ярко выраженный этический подтекст[58]. Кутон отнюдь не рассматривал данную меру в качестве первого шага к перераспределению имущества от одного социального слоя к другому. Напротив, он был решительным противником подобной дележки. В упоминавшемся ранее письме от 25 июня 1793 г. он утверждал: "Нас больше не обвинят в желании ввести аграрный закон, поскольку мы отнесли собственность к числу прав человека и при помощи Конституции поставили ее под защиту законов"[59]. Контрибуция же на "богатых эгоистов" Пюи-де-Дома представляла своего рода принудительную благотворительность, урок, дабы приучить имущих к тому, что они время от времени должны делать добровольно из гуманных соображений.

Кутон не успел до конца реализовать свою программу. Из Парижа торопили с возвращением: он был нужен Робеспьеру в Комитете общественного спасения. Покидая Пюи-де-Дом, Кутон издал еще одно постановление "воспитательного" характера — о введении нового обряда похорон, чтобы при отправлении человека в последний путь ничто не напоминало о ненавистном христианстве, а, напротив, все наводило на мысли об "истинных" ценностях гражданского культа.

8 фримера (28 ноября) Кутон с чувством выполненного долга покидал родной край, куда ему уже не суждено было вернуться. Отчитываясь перед Конвентом о проделанной за время миссии работе, он, как всегда без ложной скромности, заявил: "Это позволяет нам сегодня говорить о департаменте Пюи-де-Дом как о возможном образце для всех остальных"[60].

---

[58] "...Учитывая, что, чем усерднее злопыхатели и аристократы стараются отсрочить радостный миг предоставления революцией благ народу, тем важнее его приблизить, связав с сокращением тех излишков, которые так долго использовались надменными богачами и подлыми эгоистами для развращения нравов". — Ibid. P. 591 [С. 130].

[59] Ibid. P. 93.

[60] AP. T. 77. P. 277 [С. 180].

* * *

Кутон в гораздо большей степени был практиком, нежели теоретиком. Приступая к введению совершенных, на его взгляд, порядков в своем департаменте, он не имел четкого плана всесторонних преобразований и занимался преимущественно той сферой общественных отношений, которая, согласно его убеждениям, должна была стать основой для наилучшего строя, а именно — сферой морали. О том, как в соответствии с принципами "естественной" нравственности будут изменены другие стороны социальной жизни, Кутон в период миссии практически ничего не говорил. А между тем ход событий подвел робеспьеристов к необходимости яснее определить свои дальнейшие намерения.

К концу 1793 г. положение Республики существенно упрочилось. На всех важнейших направлениях иностранные армии были вытеснены за пределы Франции. В упорных боях республиканские войска нанесли вандейцам ряд сокрушительных поражений и рассеяли их главные силы. Вслед за Лионом пал мятежный Тулон, в остальных же департаментах оппозиционные выступления удалось подавить еще раньше. Правители Республики получили возможность перейти к созидательной деятельности, тем более что в их руках оказалось весьма эффективное средство воздействия на общество — мощное централизованное государство. Концентрация власти в стране к концу 1793 г. достигла высочайшей степени. Декрет 14 фримера (4 декабря), проведенный через Конвент при непосредственном участии Кутона, наделил Комитет общественного спасения фактически диктаторскими полномочиями, а террор, поставленный по требованию плебса "в порядок дня" еще в сентябре, явился действенным орудием осуществления этой диктаторской власти. Надо было только наметить себе ясные цели, для достижения которых будет использована машина государственного принуждения.

В письме из действующей армии от 14 декабря Сен-Жюст просил Робеспьера привлечь внимание якобинцев к "фундаментальным принципам общественного блага", дабы они позаботились о способах управления "Свободным государством"[61]. Необходимость развернутого теоретического обоснования путей построения нового общества понимал и сам Робеспьер. 25 декабря он объявил в Конвенте, что задача нации "дать восторжествовать принципам, на которых должно покоиться процветание общества"[62]. В программной речи 5 февраля 1794 г. Неподкупный снова подчеркнул: "Настало время ясно определить цель революции и предел, к которому мы хотим прийти"[63]. В течение следующего полугода

---

[61] *Saint-Just L.-A.* Oeuvres complètes / Ed. Ch. Vellay. P., 1908. T. 2. P. 161 — 162.
[62] *Робеспьер М.* Избранные произведения. М., 1965. Т. 3. С. 90.
[63] Там же. С. 106.

практически в каждом большом выступлении лидеры робеспьеристов освещали те или иные стороны утопического идеала, того, по меткому определению О. Кошена, "мира в облаках", который Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их сподвижники хотели перенести на землю.

Любопытно, что из всей "партии" лишь "триумвиры" пользовались привилегией делать программные заявления. Причем среди них существовало своеобразное распределение обязанностей. Робеспьер в пространных речах, насыщенных абстрактно-метафизическими рассуждениями, рисовал общие контуры совершенного строя. В докладах Сен-Жюста делалось теоретическое обоснование таких важнейших политических мер, как, например, уничтожение эбертистов и дантонистов, изменения в порядке таксации цен, создание общей полиции, и др. В многочисленных и, как правило, не слишком продолжительных выступлениях Кутона высокая теория увязывалась с текущими вопросами повседневной политики.

Какой видели конечную цель Революции идеологи и вожди робеспьеристов? Каков был, по их мнению, тот социальный идеал, к которому Франции предстояло прийти в недалеком будущем?

Верные духу просветительской философии XVIII в. и, прежде всего, идеям Руссо робеспьеристы все проблемы общества рассматривали в этическом аспекте. Революция представлялась им кульминацией великой битвы Добра и Зла, продолжавшейся на протяжении всей истории человечества. "Порок и добродетель составляют судьбу земли: это два противоположных духа, оспаривающих ее друг у друга ... Революция, которая стремится установить добродетель, — это лишь переход от царства преступления к царству справедливости", — говорил Робеспьер в Конвенте[64]. Та же мысль звучит во многих выступлениях Кутона. Революция, заявлял он, это "смертельная схватка между преступлением и добродетелью"[65].

Соответственно победа Революции, по мнению Робеспьера, Кутона и их соратников, должна состоять в окончательном изгнании порока и торжестве "естественной", "разумной", "вселенской" морали. Только победа добродетели, считали робеспьеристы, позволит решить все социальные проблемы. Материальная сторона жизни, в частности вопросы экономики, сами по себе мало привлекали внимание мечтателей, отступая на второй план перед блистательной перспективой построения идеально нравственного общества. "О! Сколь безрассудны люди! — восклицал Кутон. — Что нужно им для жизни и счастья? Несколько унций пищи в день, радость творить добро и сознание того, что совесть чиста —

---

[64] Там же. С. 164—165.

[65] AP. P., 1980. T. 92. P. 131 [С. 283]. См. также: Ibid. T. 91. P., 1976. P. 486 [С. 265].

вот и все"[66]. Разумеется, при таком подходе едва ли можно было ожидать от него и его сподвижников понимания реальных чаяний различных социальных слоев.

Однако уже многие десятилетия значительная часть историков придерживается традиции рассматривать сторонников Робеспьера как выразителей интересов той или иной социальной группы, либо класса. Еще современник Революции, один из лидеров "болота", Дюран де Майян в "Истории Национального Конвента" назвал Неподкупного "народным диктатором, мало-помалу возвысившимся благодаря расположению к нему черни"[67]. В новейшее время Робеспьера признавали идеологом и лидером то мелкой[68], то средней буржуазии[69], то "блока демократической (средней и низшей) буржуазии, крестьянства и городского плебейства"[70]. Несмотря на подобные расхождения во мнениях и даже острые споры друг с другом историков, разделявших такой "социальный подход", всех их объединяет убежденность в том, что своей политикой робеспьеристы сознательно или, по крайней мере, объективно служили интересам определенного общественного слоя.

Правда, слова и дела Робеспьера и его окружения, в нашем случае — его ближайшего сподвижника Кутона, не могут не вызвать сомнения в правомерности такой трактовки. Самим робеспьеристам какой-либо "социальный подход" был абсолютно чужд. Они оценивали людей исключительно по этическим критериям и делили общество на две неравные части: на "добродетельных" граждан, составляющих большую часть нации — собственно "народ", — и "порочное", "нравственно развращенное" меньшинство. Суть робеспьеристской политики в отношении этих групп заключена в афористической формулировке Кутона: "Война — мошенникам и негодяям, мир и почет — добродетели"[71]. О тех, кто, по мнению Неподкупного и его соратников, принадлежал к числу приверженцев "естественной" морали, о "патриотах" и "республиканцах", они действительно проявляли горячую заботу. Так, Кутон не раз поднимал вопрос об оказании государственной помощи семьям погибших или ушедших на фронт республиканцев. Но все это были единичные акты, относившиеся к отдельным лицам. А

---

[66] Ibid. P., 1965. T. 86. P. 512 [С. 195].

[67] *Durand de Maillane P.T.* Histoire de la Convention Nationale. P., 1825. P. 253. Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Суровое "счастье Спарты" (Современники Французской революции о феномене Террора) // Человек эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999.

[68] См, например: *Лукин Н.М.* Максимилиан Робеспьер // Лукин Н.М. Избранные труды. М., 1960. Т. 1. С. 108.

[69] *Guerin D.* La lutte de classes sous la Première République 1793—1797. P., 1968. P. 116—117, etc.

[70] *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983 С. 220.

[71] AP. P., 1971. T. 89. P. 169 [С. 230].

был ли какой-нибудь значительный социальный слой, которому принесла бы пользу робеспьеристская политика создания совершенного строя?

К настоящему времени в ряде серьезных исследований весьма убедительно показано, что деятельность данной "партии" противоречила интересам и устремлениям городского плебса[72]. Знакомство с произведениями Кутона позволяет лучше понять идеологическую подоплеку этого конфликта. Хотя Кутон неизменно с теплотой отзывался о "народе", о простом люде, он практически никогда не говорил об экономическом положении плебса. Его любовь к санкюлотам была довольно абстрактна. Искренне убежденный, что для счастья достаточно "несколько унций пищи в день", Кутон, который сам, надо признать, жил более чем скромно, не понимал и не разделял желания "низов" улучшить материальные условия жизни. Идеальному гражданину Республики, каким его представлял Кутон, должны были быть чужды подобные проявления "корысти". Недаром в качестве одной из важнейших добродетелей истинного республиканца Кутон считал умеренность[73]. Неудивительно, что экономические требования, выдвигавшиеся время от времени санкюлотами, на самом деле мало похожие на выдуманный мечтателями-утопистами идеал, расценивались Кутоном и его единомышленниками как результат развращающего влияния врагов революции. Так, когда в порту Парижа произошли беспорядки — женщины захватили привезенную в город партию мыла, Кутон тут же объявил это результатом происков контрреволюционеров-подстрекателей, похоже, даже не задумываясь о том, что причина волнений — действительный недостаток в Париже жизненных припасов[74]. Живая заинтересованность простого люда в столь "низменных" вещах плохо вписывалась в представления Кутона о подлинных социальных ценностях: "счастье состоит в исполнении своих обязанностей и практическом применении добродетели"[75]. Отсюда и его враждебность к секционным обществам Парижа, выражавшим чаяния плебса, а, по мнению робеспьеристов, представлявшим собой рассадник порочного влияния противников Добродетели[76]. И уже совсем парадоксально, с точки зрения "социального подхода", звучат выдвинутые Кутоном в адрес "заговорщиков" обвинения в том, что они хотели, придя к власти, создать в Париже изобилие[77].

---

[72] См., например: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.

[73] La Société des Jacobins (далее — Jacobins). P., 1897. T. 6. P. 33 [С. 213].

[74] AP. P., 1905. T. 67. P. 543—544 [С. 59—60].

[75] Ibid. P., 1968. T. 88. P. 242 [С. 217].

[76] Jacobins. P., 1895. T. 5. P. 622—624; T. 6. P. 126—128 [С. 192—193, 236—238].

[77] Ibid. T. 5. P. 692 [С. 202].

Столь же слабо "партия" Робеспьера была осведомлена о нуждах крестьян. Так, когда на заседании Якобинского клуба депутаты Дюкенуа и Изоре предложили обратиться к Конвенту с просьбой законодательным путем установить практику продажи национализированных земель малыми участками, что облегчило бы покупку земли крестьянам, Кутон начал убеждать собравшихся, что все необходимые акты Конвент давно уже принял. Любопытно, что своим выступлением он не только продемонстрировал незнание истинного положения дел в деревне, но и, что для юриста особенно непростительно, свою полную неосведомленность относительно аграрного законодательства Конвента[78]. Так, он сообщил, что якобы существует закон, разрешающий брать национализированные земли эмигрантов в аренду[79], между тем соответствующее положение декрета от 3 июня 1793 г. было отменено еще 13 сентября! Отрыв от реальности превращал все его рассуждения о перспективе ликвидации нищеты в демагогию.

И уж тем более не могли робеспьеристы стать защитниками интересов "среднего класса" или, иными словами, торгово-промышленных, предпринимательских слоев общества. Правда, в отличие от ультралевых революционеров, сторонники Неподкупного не считали крупных и средних собственников изначально враждебными новым порядкам и, как помним, были против насильственного передела имущества. Напротив, уважение к собственности составляло одну из характерных особенностей их мировоззрения. Для Кутона, например, совершенно бесспорно, что пострадавшие от народных волнений торговцы должны получить справедливую компенсацию[80]. Даже контрибуцию на богатых граждан Пюи-де-Дома он обосновывал необходимостью дать беднякам образование, без которого те никогда не научатся уважительно относиться к чужой собственности[81].

Еще более последовательным в данном вопросе был сам Робеспьер. 16 жерминаля (5 апреля 1794 г.) в самый разгар репрессий против дантонистской оппозиции Кутон предложил депутатам Конвента отчитаться о моральной стороне своей деятельности и об имущественном положении[82]. Судя по всему, это выступление экспромтом диктовалось, прежде всего, эмоциями и не было согласовано с другими "триумвирами". В тот же день Робеспьер, не вступая, правда, в прямую полемику с Кутоном, а потому даже не упомянув его имени, высказался в Якобинском клубе против контроля за имущественным состоянием членов Конвента: "Патриоты чисты; если же судьба наделила их дарами, кото-

---

[78] См.: *Лефевр Ж.* Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936. С. 69—70.
[79] Jacobins. T. 6. P. 88 [С. 228—229].
[80] AP. T. 67. P. 544 [С. 60].
[81] *Mège F.* Op. cit. P. 591 [С. 131].
[82] AP. T. 88. P. 191 [С. 214—215].

рые добродетель презирает, а жадность уважает, они и не думают скрывать их, они имеют сильное желание использовать их благородным образом"[83]. Кутону ничего не оставалось, как на следующий день фактически дезавуировать сделанное им ранее предложение[84]. Если учесть, что лично у Робеспьера не было оснований бояться такого отчета, то нельзя не признать, что лишь весьма принципиальные соображения могли побудить его публично продемонстрировать (пусть даже в косвенной форме) разногласие с ближайшим сподвижником в момент острейшего политического кризиса! И действительно, речь шла об одной из фундаментальных основ идеологии робеспьеризма: моральные качества человека несравнимо важнее его материального положения и социальной принадлежности.

Однако, хотя робеспьеристы и не считали себя противниками торговцев и промышленников, ригористические требования их "вселенской" морали противоречили духу предпринимательской деятельности и, будучи удовлетворены, лишили бы ее всякого смысла. Напомню, что к числу главнейших нравственных ценностей робеспьеристы относили умеренность, доходящую до аскетизма. Соответственно богатство, допускаемое ими как социально-экономическая данность, с этической точки зрения квалифицировалось как источник искушений. Само по себе богатство и не зло и не добро — все зависит от того, как им распорядиться. "Истинный патриот", конечно же, его "использует благородным образом". Что это означает, Кутон и попытался продемонстрировать "богатым эгоистам" Пюи-де-Дома при помощи чрезвычайного налога. Приобретя состояние, "патриот" должен без жалости потратить его на общественные нужды. "Мы презираем ничтожное богатство, мы создаем счастье народа", — заявлял Кутон[85]. Человека, находившего иное применение своему достоянию, робеспьеристы воспринимали как нравственно испорченного, а значит, потенциального контрреволюционера. Поэтому, не имея в принципе ничего против крупных собственников, они все же с нескрываемым подозрением относились к этим людям, гораздо более других "искушаемых" пороком алчности. Весьма красноречив нарисованный Кутоном собирательный образ врага революции — Англичанина, который, "запершись в своем банке, занимается корыстными расчетами"[86]. Оратор полагал, что это занятие должно усилить отвращение слушателей к нравственному облику подобного человека.

Таким образом, хотя врата в сияющее "Царство добродетели" перед торговцами, промышленниками и другими представителями

---

[83] *Робеспьер М.* Указ. соч. С. 157.
[84] AP. T. 88. P. 241 [С. 216—217].
[85] Ibid. P. 333 [С. 217].
[86] Ibid.

"средних классов" оставались открытыми, у порога им предстояло оставить стремление к прибыли и накоплению или, иными словами, то, без чего предпринимательская активность утрачивала стимулы и смысл. Для данной социальной группы такая перспектива была неприемлемой, следовательно, робеспьеристская идеология не могла отвечать и ее интересам.

Впрочем, нет ничего удивительного, что этическая утопия робеспьеристов противоречила реальным потребностям всех слоев французского общества. Набор добродетелей, которым сторонники Неподкупного хотели одарить свой народ, являлся исключительно плодом философской абстракции. В XVIII в. мыслители Просвещения, не жалевшие сил для подрыва христианского мировоззрения, проявляли повышенный интерес к дохристианским временам, идеализируя и превознося античность. Особое восхищение вызывали готовность античных героев к самопожертвованию ради государства, их аскетизм, мужество, способность к преданной дружбе и т.д. При этом поклонники спартанской и древнеримской добродетели оставляли без внимания то, что подобные достоинства живших в древности людей были неразрывно связаны с качествами, вызывавшими в век Разума лишь ужас и отвращение: жестокость, вероломство и т.д. А ведь именно совокупность всех этих черт составляла основу личности человека далекой эпохи государств-полисов, безвозвратно канувшего в историю вместе со своим временем. Итальянский философ Дж. Вико еще в первой трети XVIII в. писал об этом так: "Героя в нашем смысле слова (подобного античному. — *А.Ч.*) угнетенные народы жаждут, философы, поэты воображают, но гражданская природа ... не знает такого рода благодеяний"[87].

Однако к словам Вико тогда мало кто прислушивался. Властителями дум в XVIII в. были другие авторы, рисовавшие идеализированный образ античного героя, наделяя его лишь теми качествами, которые, по их мнению, заслуживали подражания. Одним из наиболее видных апологетов античной добродетели был Руссо. Он считал, что граждане Спарты и Рима в несравненно большей степени понимали ценность "естественной" морали, нежели его развращенные современники. Так же чисто умозрительно был создан этический идеал робеспьеристов. Древнеримская и древнегреческая история являлась для них постоянным источником вдохновения в их усилиях построить нравственно совершенное общество. "Но не счастье Персеполиса предлагаем мы вам, это счастье растлителей человечества; мы предлагаем вам счастье Спарты и Афин в их лучшие времена, мы предлагаем вам счастье добродетели и скромного достатка..." — восклицал Сен-Жюст[88]. К авторитету

---

[87] *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М., 1940. С. 295.

[88] *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 126.

спартанского законодателя Ликурга апеллировал и "Аристид" Кутон[89]. Именно псевдоантичный этический идеал был тем прокрустовым ложем, в которое пришедшие к власти утописты хотели загнать социальную реальность Франции XVIII в. Для этого использовались разные средства.

Расправившись с ультралевой и дантонистской оппозициями, робеспьеристы активизировали свою преобразовательную деятельность. В мае 1794 г. они развернули широкую кампанию по насаждению гражданского культа Верховного существа. Атеизм был окончательно приравнен к преступлению. Может показаться, что таким образом "партия" Неподкупного отреклась от провозглашавшейся ею ранее веротерпимости. Но это не так. Она лишь последовательно осуществляла парадоксальную концепцию веротерпимости Руссо, согласно которой в истинно свободном государстве человек не должен быть преследуем за взгляды в отношении религии. Однако атеист все же подлежит наказанию, но не за убеждения, а за то, что, не признавая гражданский культ, оказывается плохим гражданином своей страны. И для Кутона, и для Робеспьера атеизм того или иного лица означал нежелание руководствоваться нормами "естественной" нравственности, что в их глазах было равносильно посягательству на святая святых Революции. Отсюда — обличительный пафос выступлений против не разделявших веры в Верховное существо. "Общество (якобинцев. — *А.Ч.*) должно предать публичному проклятию тех, кто хотел бы установить атеизм, кто не применял бы добродетель на практике и жил без нравственности", — говорил Кутон в Якобинском клубе[90].

Помимо гражданского культа, робеспьеристы в качестве средства утверждения "вселенской" морали использовали также просвещение, искусство, пропаганду, но главным орудием достижения данной цели для них все же был террор. Правда, ни Робеспьер, ни Сен-Жюст, ни Кутон не являлись его изобретателями. Начавшись стихийно в форме насильственных "эксцессов" охваченной массовым психозом толпы, террор, опять же по требованию парижских "низов", получил затем статус государственной политики. Поэтому, когда "партия" Робеспьера приступила к планомерной реализации своей утопии, она уже могла опираться на принятое репрессивное законодательство и активно действующие карательные органы, во главе которых стояли ее сторонники.

Воспринимая мир как поле битвы Добра и Зла, робеспьеристы соответственно делили всех людей на два лагеря: приверженцев Добродетели и защитников Порока. Себя они, разумеется, относили к первым и едва ли не в каждом выступлении об этом напоминали. Так, в речах и даже кратких репликах Кутона постоянно подчеркивается: "правительство добродетельно", "добродетель и че-

---

[89] AP. T. 91. P. 107 [С. 254—255].
[90] Jacobins. T. 6. P. 134 [С. 239].

стность поставлены в порядок дня", "мы ставим в порядок дня справедливость, порядочность, нравственность и добродетель" и т.п.[91] Политических же противников робеспьеристы, напротив, наделяли всеми мыслимыми и немыслимыми пороками. Это, по словам Кутона, "гнусные существа, несущие на себе печать бесчестия, безнравственности и злодеяний", "безнравственные люди, развратители и убийцы" и т.п.[92] Если верить Кутону, они даже обликом своим не похожи на обычных людей: "негодяев узнают по внешности"[93]. Это какие-то монстры, исчадия ада, стремящиеся установить над миром вечное господство Зла.

Разве возможен компромисс между этими полярными противоположностями? Если раньше воюющие державы рано или поздно вступали в переговоры и заключали мир, то разве может быть мир между силами Добра и Зла? А к последним робеспьеристы относили всех, кто боролся против революционного правительства на внутренней и внешней арене. Олицетворением Порока для них была Англия, вставшая во главе антифранцузской коалиции после того, как 1 февраля 1793 г. Конвент объявил ей войну. В робеспьеристской идеологии и пропаганде Англия играла дьявольскую роль предводителя сил тьмы, пытавшихся погасить сияющий во Франции светоч Добродетели. "Британское правительство, — говорил Кутон, — виновно в преступлениях против человечества". Глава британского кабинета У. Питт-младший был торжественно провозглашен "врагом рода человеческого"[94], а все противники робеспьеристов объявлялись "агентами Питта". Оставался единственный выход для разрешения столь острого этического противоречия — устранение одной из непримиримых противоположностей. А поскольку данный конфликт проецировался робеспьеристами на политику, это означало физическое уничтожение соперников. "Цель не в том, чтобы сколько-то раз проучить, а в том, чтобы истребить безжалостных союзников тирании", — считал Кутон[95].

Напомню, что все социальные проблемы, как то: углублявшийся экономический кризис, недовольство широких слоев общества политикой революционного правительства, остававшегося глухим к их требованиям, нежелание подавляющего большинства населения воспринять искусственные нормы новой морали и прочее — робеспьеристы объясняли нравственной испорченностью части граждан и развращающим влиянием врагов Революции. "В силу самой природы вещей, — говорил Кутон, — такое великое политическое событие не может произойти без того, чтобы нравственная

---

[91] AP. T. 86. P. 646, 719; T. 88. P. 333 [С. 205, 217].
[92] AP. T. 86. P. 646; Jacobins. T. 6. P. 152 [С. 203, 246].
[93] AP. T. 86. P. 502; Jacobins. T. 6. P. 35.
[94] Jacobins. T. 6. P. 152; AP. T. 70. P. 451 [С. 247, 77].
[95] AP. T. 91. P. 486 [С. 265].

испорченность людей, всю жизнь проживших под властью деспотического и порочного правительства, не побуждала их использовать все средства, дабы обернуть это событие во вред поднимающимся добродетелям и погрузить те в небытие"[96]. Нетрудно заметить любопытную закономерность: чем активнее пытались робеспьеристы осуществить свою утопию, тем сильнее ощущали скрытое сопротивление общества и тем чаще звучал в их речах мотив "контрреволюционного заговора". Весной-летом 1794 г. без упоминаний о нем обходилось мало какое из выступлений Кутона.

Неудивительно, что при подобном восприятии действительности робеспьеристы неразрывно связывали окончательное торжество Добродетели с полным истреблением носителей Порока. Таким образом, террор рассматривался ими как необходимое средство построения совершенного общества. "Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор — добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна", — говорил Робеспьер[97]. Ему вторил Кутон: "Народ не может быть счастлив, пока не уничтожены все клики, все злодеяния, все пороки, пока не будет торжественно установлена власть нравственности и добродетели"[98].

Разительна перемена, происшедшая с Кутоном за полгода после его миссии в Пюи-де-Дом. Там, находясь в гуще людей, он мог воочию видеть последствия своих решений для судеб земляков, многих из которых он хорошо знал с детства и к которым испытывал столь свойственные его натуре сочувствие и сострадание. Вероятно, эта обоюдная живая связь и удерживала его от чрезмерно жестких мер. Иначе обстояло дело в Париже. Здесь, увлеченный созданием "Царства добродетели", погруженный в абстракцию "мира в облаках", он, похоже, уже не воспринимал террор как боль и страдание конкретных людей. В стенах Конвента, окруженный такими же фанатиками утопии, как он сам, Кутон не видел крови, ежедневно проливаемой на площади Революции во исполнение их воли. Известия о казнях не трогали его чувствительного сердца, потому что для него за каждым именем в списке приговоренных к смерти стоял всего лишь абстрактный носитель порока, а вовсе не реальный живой человек со своей неповторимой судьбой. Террор ощущался Кутоном как торжественный ритуал очищения земли от порока, как трудная, но высокая и радостная миссия избавления рода людского от бед и тягот его прежнего состояния. Этот отнюдь не жестокий от природы человек с энтузиазмом предлагал сам и поддерживал выдвинутые другими все новые тер-

---

[96] Ibid. T. 86. P. 512 [С. 198].
[97] *Робеспьер М.* Указ. соч. С. 112.
[98] AP. T. 91. P. 107 [С. 253].

рористические меры. Террор для него — истинный праздник добродетели. Мало казнить короля, надо сделать эту дату ежегодным днем народного ликования[99]. Мало ввести смертную казнь для "нарушителей суверенитета нации", надо быть готовым подкрепить такое решение делом — "я, хоть и столь немощен, но возьму на себя исполнение приговора"[100].

Закономерным результатом подобной эволюции Кутона и вершиной его карьеры стало участие в создании кровавого декрета от 22 прериаля (10 июня 1794 г.). Составленный Кутоном и Робеспьером (Сен-Жюст находился тогда в миссии на фронте) и с огромным трудом проведенный ими через Конвент, этот акт открыл дорогу Великому террору. Характерно, что он был принят в тот момент, когда положение Республики оказалось как никогда прочным: ее армии повсюду наступали, внутри страны было невозможным не только открытое сопротивление, но даже легальная оппозиция. Однако террор уже давно не диктовался обстоятельствами военного времени. Его цель четко сформулировал в своем докладе Кутон: "Отсрочка наказания врагов родины не должна превышать времени, необходимого для установления их личности. Речь идет не столько о том, чтобы наказать их, сколько о том, чтобы уничтожить"[101]. Закон полностью избавил Трибунал от еще сохранявшихся немногочисленных и чисто внешних "юридических формальностей" и открыто распространил действие репрессивных мер на "моральные преступления". Отныне смертной казни подлежали те, "кто пытается ввести народ в заблуждение и мешает его просвещению, кто портит нравы и развращает общественное сознание, кто охлаждает энергию и оскверняет чистоту революционных и республиканских принципов".

После принятия закона 22 прериаля чудовищная машина террора начала быстро набирать обороты. В Париже ежедневно казнили до 60 и более человек. За шесть недель, прошедших до 9 термидора (27 июля 1794 г.), кровавая бойня только в столице унесла около полутора тысяч жизней. Политика реализации утопии вылилась в войну государства, управляемого фанатичными приверженцами "естественной" морали, против общества.

Но, сделав свой выбор, рыцари "Царства добродетели" не хотели отступать. Увлеченные мечтой, они хладнокровно взирали из своего "мира в облаках" на море слез и страданий, затопившее их родину. Франция стояла на краю катастрофы. Чтобы спасти ее, надо было сбросить иго утопии. Это произошло 9 термидора...

Вместе с другими робеспьеристами тогда потерял власть, а на следующий день и жизнь Жорж Кутон. Арестованный в Конвенте одновременно с братьями Робеспьерами, Сен-Жюстом и Леба,

---

[99] Ibid. P., 1981. T. 83. P. 529 [С. 188 – 189].
[100] Ibid. T. 88. P. 192 [С. 216].
[101] Ibid. T. 91. P. 486 [С. 265].

он был отправлен в тюрьму, а затем освобожден по приказу робеспьеристской Коммуны Парижа. Вернувшись домой, он узнал, что Робеспьер в Ратуше собирает сторонников и готовится к сопротивлению. Несмотря на просьбы жены остаться, Кутон отправился в Ратушу, чтобы разделить судьбу товарищей. Когда войска Конвента ворвались в здание, Кутон ударил себя кинжалом, но только ранил. Утром его первым внесли на эшафот, однако казнь неожиданно затянулась. Палач никак не мог пристроить полуживое, сведенное судорогой тело калеки на скамье гильотины, почти четверть часа он и так, и этак укладывал несчастного, причиняя ему ужасные мучения. Но вот наконец нож гильотины скользнул вниз, неся избавление от страданий... Жорж Кутон, горячо любивший людей и искренне желавший им счастья, исчез с лица земли и из их памяти. Осталось только имя-символ — страшный символ Великого террора.